

Дамье Вадим. Испанская революция и коммуны Арагона

Таковы факты: в 1936-1937 гг. в Испании происходила социальная революция, не знавшая себе равных. В гораздо большей степени, чем все предшествовавшие и последующие народные взрывы она приблизилась к осуществлению вековых надежд человечества, мечты о свободе и солидарности.

В отличие от многих стран, где пролетариат попал в подчинение марксистским и ленинистским партиям, большинство испанских трудящихся были анархо-синдикалистами. Анархистская профсоюзная конфедерация СНТ объединяла до 2 миллионов пролетариев и крестьян. Они всегда стремились не к захвату государственной власти, а к полному разрушению государства и капитала, к созданию нового общества на основе анархистского коммунизма.

Испанский анархизм опирался на прочные коммунитарные традиции. По словам немецкого исследователя Йоханна Хельвеге, “муниципия, испанское пуэбло, как почти автаркическая, автономная общественная единица, была когда-то реальностью. В ней стихийно создавались учреждения и механизмы самоуправления, прежде чем прогрессирующая бюрократизация мира государства в его всемогуществе и с его слугами вмешалась в эту идиллию и начала ее разрушать. Тонкие и детально разработанные правила регулировали разрешение споров, занятие должностей в братствах, расчистку, обработку и сохранение участков общинной земли в сотрудничестве всего пуэбло, наконец, распределение на общих собраниях общего урожая между членами общины. В этих правилах проявился организационный талант испанского населения и его способность к самоуправлению. Именно в этих коллективных психологических настроениях и опыте, который местами... мог уже давно отойти в прошлое, следует искать корни хилиастическо-анархистских движений”.

В городах Испании тоже существовала традиция вольностей. Средневековые города Иберийских королевств пользовались правами самоуправления и даже создавали федерации (братства) для борьбы с феодалами. Но после восстания “коммунерос” в 16 в. эта автономия была сломлена. Зато в деревне община держалась долго и прочно. Здесь она тоже имела свои традиции борьбы с деспотизмом. Все вы помните, наверное, знаменитую пьесу Лопе де Вега “Фуэнте Овехуна”: восставшие крестьяне расправляются со своим мучителем, а затем гордо идут на королевский суд и на вопрос “кто это сделал”, бросают:

вся община, вся Фуэнте Овехуна.

Анархизм в сельской Испании попал на благодатную почву. Возможно, именно этими традициями объясняется почти религиозная страсть, с которой арагонские крестьяне будут создавать свои коллективы в 1936 г. Немецкий анархист Аугустин Зуки описывал то, что он увидел в арагонском селении Муньеса (1700 жителей). В село вернулся анархист, проработавший много лет в Барселоне. Его сразу же избрали алькальдом. “Он выполнял свои функции в зале общинного совета. На столе лежало испанское издание книги Кропоткина “Хлеб и воля”. По вечерам члены коллектива собирались и кто-нибудь читал книгу вслух. Это было новое евангелие. Там было черным по белому написано, что следует делать, чтобы добиться благосостояния для всех”. Не приходится удивляться, что жители селения с восторгом восприняли предложение вернувшегося из Барселоны земляка провозгласить либертарный коммунизм.

Впрочем, и психология рабочего класса тогдашней Испании сильно отличалась от настроений людей в современном “массовом” обществе, где люди живут, как изолированные друг от друга атомы, не имеющие ничего общего со своими соседями и своим окружением. Букчин, кстати, автор превосходной книги об истории испанского анархизма, справедливо замечал, что на пролетарский социализм тех лет “оказала влияние... уходящая корнями в деревню и небольшой город значительная пролетаризация крестьян, которых принуждали оставить деревни и сельскохозяйственную культуру. То, что они принесли эту докапиталистическую культуру с ее естественными ритмами и ценностями, имеет ключевое значение для объяснения характера их недовольства и воинственности... Первоклассные рабочие - анархисты Барселоны, которые... сжигали деньги в лихорадочные дни июльского подъема 1936 г., действовали под влиянием глубоко утопических и этических импульсов, а не просто исходя из экономических интересов... Пролетариат конца XIX- начала XX века был особой социальной породой. Она была... стихийна в жизненной естественности своего поведения, разозлена утратой своей автономии и сохраняла в своих ценностях разрушенный мир ремесла, любовь к земле и общинную солидарность”. Это разлагающее человеческую солидарность воздействие капитализма и индустриализма хорошо понимали многие анархисты. Недаром аргентинская ФОРА призывала в начале века остановить экспансию индустриального капитализма, пока еще не поздно.

Но неправильно было бы думать, что анархизм распространялся по Испании сам собой. Популярность либертарных идей была, конечно, и результатом самоотверженной многодесятилетней работы испанских анархистов. Они создавали не только союзы городских рабочих, но и союзы сельскохозяйственных работников, действовали среди крестьян. Большую роль здесь сыграли анархисты-учителя. Они отправлялись в самые глухие и заброшенные районы страны, учили людей грамоте и связывали обучение с пропагандой анархизма. Для многих простых людей Испании т.о. грамотность, знания навсегда оказались связанными именно с анархизмом.

В испанском анархо-синдикализме, как и у анархистов других стран, долгое время не было каких-то общепризнанных представлений о социальной цели, об обществе будущего. Люди скорее понимали, чего они не хотят, нежели то, чего следует добиваться. Тем более, что

жизнь трудящихся была достаточно тяжелой. Официально анархо-синдикализм в Испании долго следовал ранним коллективистским идеям времен бакунинского крыла 1 Интернационала, потом соблюдал некий плюрализм. И только в 1919 г. испанская СНТ официально провозгласила в качестве цели либертарный коммунизм. Но даже после этого идейная и практическая неясность сохранялась, несмотря на попытки многих анархистов преодолеть ее.

Опыт шел здесь впереди теории. В 1932 - 1933 гг. по всей Испании прокатились анархистские восстания. Восставшие захватывали городки и села и провозглашали либертарный коммунизм. Эпицентром движения стала аграрная Андалусия, где крестьяне вели отчаянную борьбу с помещиками-латифундистами, а также Арагон и Каталония. Что это означало на практике? Об этом рассказывает в своей книге испанский анархо-синдикалист Жозе Пейратс: населенные пункты объявлялись свободными муниципиями (коммунами), “для революционеров все разворачивалось со скоростью света: поднять черно-красное знамя над мэрией, провозгласить либертарный коммунизм, сжечь на площади архивы, документально устанавливавшие право собственности и публично объявить об отмене денег и эксплуатации человека человеком”. Обычно “либертарный коммунизм провозглашался без каких-либо трудностей и жертв. Мир, радость и похожая на рай гармония царили вплоть до прихода войск”. После этого движение кроваво подавлялось. Времени для развития опыта у активистов не было.

В 30-е годы в испанской СНТ по существу сложились два идейных течения: коммунитаристское и индустриалистско-синдикалистское. Это было как бы продолжение старых споров между анархо-коммунистами и революционными синдикалистами начала века. Речь шла о том, что делать после революции - победоносной всеобщей стачки и восстания. Коммунитаристы, продолжая анархо-коммунистическую традицию, считали, что основой будущего общества должна стать вольная коммуна (“свободная муниципия”), максимально автономная и самообеспечивающаяся. Соответственно они недооценивали проблемы экономических связей и хозяйственного взаимодействия между такими коммунами, полагая, что те просто смогут дарить друг другу излишки. Индустриалисты склонялись к революционно-синдикалистской схеме, по которой после революции индустриалистские экономические структуры сохранятся и перейдут из частных или государственных рук под управление ассоциированных синдикатов. Они уделяли большое внимание проблемам работы экономики как единого комплекса и разрабатывали принципы либертарного планирования. Как у тех, так и у других были свои сильные и свои слабые стороны. Споры шли острые, работы и статьи с аргументами исчислялись десятками. Наиболее известными теоретиками коммунитаристов выступили писатель и публицист Федерико Уралес (отец Федерики Монтсени и редактор теоретического и художественного журнала “Ревиста бланка”) и врач Исаак Пуэнте. Уралес соединил аргументацию Кропоткина с традицией испанских сельских общин, считая их наиболее подходящей базой для реализации коллективистских принципов солидарности. Он утверждал, что революция разразится после фазы кризиса капитализма и приведет к возрождению коммунитарных традиций в свободных деревнях. Эти идеи были популяризированы врачом и публицистом Исааком Пуэнте, одним из лидеров повстанцев 1932 г. Он написал книгу “Либертарный коммунизм - цель СНТ”. В ней содержался план создания системы либертарного коммунизма в Испании и аргументы в пользу его возможности. Как и Уралес, Пуэнте следовал за

Кропоткиным в истолковании социальных наклонностей человека. Он отвергал идею революционной или послереволюционной элиты и переходного периода. Коммунитарное движение он считал отвечающим именно социальным инстинктам человека. Пуэнте исходил из возможности того, что Испания первая установит у себя либертарный коммунизм и сможет противостоять капиталистическому миру. По его мнению, коммунитарное сельское хозяйство легко накормит страну. И хотя Пуэнте признавал, что в городах функции коммуны могут играть местные федерации производственных синдикатов, он подчеркивал добровольность и социально-экономическую автаркию коммун. Он с недоверием относился к “архитекторам нового мира”, к хозяйственному планированию и индустриальному развитию. Книга имела огромную популярность в анархистских кругах, переиздавалась и обсуждалась.

Одним из основных теоретиков индустриалистов выступил Диего Абад де Сантильян. Свою анархическую работу он начинал в Аргентине и там следовал анархо-коммунистическим и непредрешенческим позициям ФОРА. В Испании он переменял свои взгляды, за что латиноамериканские товарищи впоследствии с презрением называли его перевертышем. Его книга “Экономический организм революции” хвалит современную индустрию и говорит о необходимости планирования и экономической координации. Он критикует Кропоткина за экономический локализм и объявляет вольные коммуны анахронизмом, реакционной утопией. Абад де Сантильян придавал большую роль свободному экспериментированию, оставляющему место различным формам будущего общества. Но в принципе то, что он предлагал - это скорее жесткая структура синдикальной организации всего общества. Интересно, что как у него, так и у других индустриалистов (в роде голландца Корнелиссена или француза Бенара), либертарный коммунизм понимался скорее как переходное общество на пути к анархии - то, чем для марксистов служит “диктатура пролетариата”.

Расхождения между анархистами и революционными синдикалистами сопровождались тактическими разногласиями и приводили к расколам. Только в мае 1936 г. в Сарагосе был созван конгресс СНТ, на котором была принята программная “Концепция либертарного коммунизма”. Она синтезировала идеи и положения обоих течений, но все же опиралась скорее на проект Пуэнте. Либертарный коммунизм (от каждого по способностям, каждому по потребностям в рамках экономической возможности) должен был установиться без переходных периодов сразу после победоносной социальной революции. В основе будущего свободного общества должна была лежать двойная организация - территориальная (вольные коммуны и их федерации) и отраслевая (синдикаты). Программа выступала за децентрализованное планирование снизу на основе статистического определения потребностей и производственных возможностей. Деньги подлежали отмене и замене карточкой производителя и потребителя. Государство и постоянная армия упразднялись и заменялись федерацией коммун и рабочей милицией.

17 июля 1936 г. в стране вспыхнул военно-фашистский мятеж. В ответ рабочие вышли на улицы, вооружились и соорудили баррикады. Они вступили в бой с мятежниками. В течении 3 дней путч был подавлен на большей части территории Испании.

После боев анархисты стали фактически хозяевами Барселоны. И здесь ими была допущена первая роковая ошибка. Она состояла, конечно, не в том, что они не захватили власть, как их в этом обвиняют троцкисты, а в том, что они не свергли ее. Региональный комитет СНТ

Каталонии долго обсуждал, что делать в создавшейся ситуации. Глава регионального правительства Компанис позвонил секретарю Каталонской СНТ Мариано Васкесу и предложил переговоры. Вначале то говорил с премьером в весьма иронических тонах. Член ФАИ Гарсия Оливер (в будущем сам министр и создатель анархо-партии, но тогда еще левый) предложил немедленно провозгласить либертарный коммунизм. Но это предложение не было принято. Абад де Сантьян выступил за союз с другими антифашистскими силами. Промежуточная позиция сводилась к тому, чтобы, не входя в структуры власти, оказывать на них давление для осуществления социализации промышленности и сельского хозяйства, пока правительство, лишенное всякой власти, не падет само. 21 июля собрался пленум Каталонской СНТ. Дуррути и Гарсия Оливер предлагали “идти до конца”, не боясь обвинений в “анархистской диктатуре”. Но актив решил иначе. Не имея уверенности в успехе в других регионах, делегаты сочли, что “никакого либертарного коммунизма нет”, то есть по сути, революции не происходит, необходимо укреплять антифашистское единство. Анархисты вошли в сформированный на коалиционных началах полуправительственный орган - Комитет антифашистских милиций. Через несколько месяцев за этим - несмотря на сопротивление радикальной части СНТ, ФАИ и Либертарной молодежи - последовало вступление СНТ в каталонское и общеиспанское правительство. Большинство “лидеров” СНТ пожертвовало немедленной социальной революцией ради - как очень скоро выяснилось - призрачного антифашистского единства.

Но рядовые активисты анархистского движения, вдохновлявшиеся теми чувствами и идеями, о которых я говорил в начале, не стали ждать указаний “лидеров”. По словам французских анархистов Прюдоммо, “в базисе” движения руководствовались своими аргументами: “Присутствие членов СНТ и ФАИ в правительственных органах - это всего лишь компромисс, навязанный обстоятельствами, временное отступление в революции. У революции есть лишь один инструмент - это массы, организованные на уровне коммуны и предприятия”. Трудящиеся-анархисты сами начали социальную революцию, доказав тем самым жизнеспособность анархистских идей. И в своих действиях они - сознательно или нет - ориентировались на идеи либертарного коммунизма. Вот только нескоординированность и полная стихийность социальных преобразований очень скоро принесла огромные трудности и помешала успеху.

Пролетарии не собирались возвращать власть республиканским капиталистам, которые проявили полную неспособность бороться с фашизмом. Профсоюзы захватили большинство фабрик и заводов, прежде всего в индустриальном районе Каталонии. Многие предприятия были отняты у хозяев и перешли под управление анархистских и социалистических профсоюзных комитетов. По некоторым данным, так случилось с 70% предприятий Барселоны и 50% в Валенсии. (Из 24 млн. жителей Испании в промышленности были заняты около четверти, в сельском хозяйстве - больше половины).

Но вскоре трудящиеся оказались перед новой проблемой. Анархистская терминология тех лет проводила различие между “коллективизацией” и “социализацией”. Под первой понимался захват предприятия трудовым коллективом и переход его под управление профсоюзов. Под второй - обобществление в масштабах общества, с налаживанием новых экономических связей на рыночной и не бюрократической основе. В теории первая считалась первым шагом ко второй. Беда была, однако, в том, что этот переход так и не

состоялся, поскольку товарно-денежные отношения в целом не были ликвидированы, а деньги сохранялись у государства и капиталистов. По словам Гастона Леваля, автора прекрасной и подробной книги об испанской революции, “очень часто рабочие в Барселоне и Валенсии, завладев фабрикой, мастерской, машинами и сырьем, организовывали производство своими силами и продавали продукт своего труда ради личной выгоды, причем использовали для этого сохранение денежной системы и характерные для капитализма торговые отношения. Декрет 1936 г., который легализовал коллективизацию, не позволил им идти дальше, и тем самым, вехи с самого начала были расставлены неверно. Это была, т.о., не настоящая социализация, а рабочий неокапитализм, своего рода самоуправление, колебавшееся между капитализмом и социализмом, чего не произошло бы - это следует подчеркнуть - если бы революция могла быть полностью осуществлена под руководством наших профсоюзов”. Даже Абад де Сантильян, занимавший в это время пост министра в каталонском правительстве, признал в конце 1936 г.: “Мы многого достигли, но сделали это нехорошо. Вместо старых владельцев мы поставили полдюжины собственников, которые рассматривают предприятия, транспортные средства и контроль над ними как свою собственность, с тем минусом, что они не всегда знают, как организовать управление... Нет, мы еще не сделали революции в Каталонии. Нет никакой необходимости создавать в Испании новый вид собственников, следует, напротив, социализировать существенную для капитализма частную собственность”. “Мы не организовали тот хозяйственный аппарат, который планировали. Мы довольствовались тем, что изгнали владельцев с фабрик и взяли на себя роль контрольных комитетов. Мы не предприняли никаких попыток установить связи между собой или фактически координировать хозяйство. Мы работали безо всякого плана, не ведая фактически, что творим”.

Прогресс в положении трудящихся был налицо. Зарплата была существенно повышена, разрыв между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми сильно сократился. Люди смогли впервые работать без хозяев и боссов, сами организовать свой труд. В ряде мест и отраслей синдикализация перешагнула уровень отдельных предприятий и распространилась на целые отрасли, начавшие работать скоординировано как одно предприятие *так называемые “группы”), (например, все отрасли в Алькое, снабжение газом, водой и электричеством в Каталонии, трамваи в Барселоне, местами - транспорт и здравоохранение) “Руководство” СНТ опубликовало список “неприкосновенных” предприятий иностранцев, но рядовые активисты далеко не всегда соблюдали его. На предприятиях, которые по различным причинам не были конфискованы, вводился рабочий контроль. Вопрос о зарплате тоже пал жертвой военно-политических обстоятельств. Так в Валенсии после нескольких попыток отменить деньги и систему зарплаты возобладала т.н. “посемейная оплата”.

Впоследствии были предприняты попытки координации хозяйственной деятельности. Но они, как правильно замечал Даниэль Герен, уже сочетали в себе как либертарные, так и государственнические тенденции. В октябре 1936 г. каталонское правительство издало декрет о коллективизации крупных и частично средних предприятий, чем фактически не просто узаконивал свершившийся факт, но даже ограничивал его масштабы. Самоуправляющиеся предприятия управлялись единообразно - руководящим комитетом из 5-6 человек, который избирался общим собранием на 2 года с переизбранием половины членов каждый год. Комитет назначал директора, которому передавал часть своих

полномочий. К каждому комитету был прикреплен правительственный контролер. Комитеты были подконтрольны генсовету отрасли, который состоял из представителей комитетов, синдикатов и технического персонала. Этот совет должен был планировать труд и определять зарплату. Каждый работник получал твердый оклад. СНТ пыталась, в свою очередь, организовать кооперацию и общее планирование. С этой целью были созданы 8 генсоветов для различных отраслей, торговли и финансов. Для равномерного распределения ресурсов создавалась "выравнивающая касса". В декабре 1936 г. в Валенсии профсоюзы решили приступить к организации общего плана во избежание ненужной конкуренции.

На коллективизированных предприятиях Каталонии экономические решения сохранялись за трудовым коллективом. В его руках оставалась и большая часть прибыли (после создания "промышленной и торговой кредитной кассы" - 50%). На частных предприятиях с рабочим контролем помимо владельца или директора действовал рабочий комитет, имелся и представитель правительства, обеспечивавший связь с генсоветом отрасли. Трудовой коллектив мог распоряжаться 30% прибылей. В целом, по оценке Вальтера Бернекера, "после 19 июля 1936 г. сложилась "координируемая" профсоюзами и "направляемая" государством экономическая система, которая во время всей войны работала динамично и до конца сохраняла двойственную структуру, в которой сосуществовали рядом капиталистическо-частноэкономические и коллективистски-социалистические производственные единицы".

Таким образом, в городах властям сравнительно легко удалось взять стихийное народное движение под контроль. С августа 1936 г. под влиянием коммунистов начались национализации под предлогом военной необходимости и работы для фронта. Прежде всего это распространялось на коллективизированные предприятия. Особенно широкие масштабы этот процесс принял после декрета в ноябре 1937 г. и милитаризации военной промышленности в октябре 1938 г.

Гораздо дальше зашла социальная революция в испанской деревне. Там сразу после 19 июля 1936 г. развернулся массовый процесс свержения местных властей. Все жители селения собирались на общее собрание на площади или в здании общинного совета и избирали революционный комитет. В Арагоне, а вскоре и в Леванте борьба против фашизма воспринималась как часть борьбы с капиталистическими порядками и неравенством. Крестьяне отбирали землю у помещиков, не дожидаясь правительственных декретов. Местные революционные комитеты и крестьянские профсоюзы собирали общие собрания. На них принимались решения о создании кооперативов, которые получили название "коллективы". При этом члены "коллективов" добровольно объединяли свою и захваченную у помещиков землю, а часто даже свои денежные средства. Каждая семья сохраняла небольшой огород исключительно для собственных нужд. Права тех, кто желал продолжать обрабатывать землю индивидуально, обычно соблюдались, если они обязывались делать это только собственными силами, без применения наемного труда. Трудно было исключить возможность морального давления на "индивидуалов" со стороны односельчан, но случаев непосредственного физического принуждения при испанской "коллективизации" практически не было. Часто "коллективы" объединяли всех жителей деревни или подавляющее большинство. Во многих коллективах вводилась посемейная оплата.

Денежные средства богачей экспроприировались комитетами и помещались в банки. В некоторых местах выпустили собственные деньги или талоны. Комитеты брали под контроль распределение, цены устанавливались коллективно и контролировались. Торговля как таковая во многих местах вообще исчезла. Были организованы коллективные склады и магазины, которые часто помещались в бывших церквях.

Но и в деревне социальные преобразования шли нескоординировано, по разному. Частично это было связано с особенностями структуры земельной собственности. Если в Арагоне 80% обрабатываемой земли принадлежало помещикам, то в Леванте и Каталонии преобладала мелкая земельная собственность. И хотя среди этих мелких собственников было немало анархистов, которые тоже стали создавать коллективы, в Леванте и Каталонии на этом пути было больше трудностей. Здесь экспроприировались только земли помещиков. Но вызванная начавшейся войной нехватка продуктов и здесь побудила общинные советы принять меры по ограничению роли частной торговли и развитию социализации. За этим последовал этап создания полных коллективов, хотя и в меньшей мере поддержанных большинством местного населения. Некоторые из них были весьма крупными и процветающими, но в большинстве из них сохранялись денежные отношения. Всего в Арагоне возникло около 400 - 450 сельскохозяйственных коллективов, в Леванте - 900, в Кстилии - 300, в Каталонии - 40. В Эстремадуре 30.

Гораздо дальше зашла революция в северном регионе Арагон. Именно здесь, на территории, где анархистские народные ополчения под командованием легендарного революционера Буэнавентуры Дуррути вели тяжелые бои с фашистскими войсками, были сделаны решающие шаги на пути к анархистскому коммунизму, хотя официально он так и не был провозглашен.

В арагонских коллективах жили 300 или 400 тысяч человек - 70% населения региона; в их распоряжении находились 60% обрабатываемых земель. В отношении "индивидуалов", не входящих в коллективы, конгресс в феврале 1937 г. принял следующее решение: поскольку мелкие собственники, желающие остаться вне коллектива, считают себя способными работать в одиночку, они не должны пользоваться преимуществами коллектива (до тех пор случалось, что им разрешали на определенных условиях пользоваться коллективными благами и услугами). Однако их право вести хозяйство по-своему должно соблюдаться, если они не препятствуют деятельности коллектива. При этом каждый из них должен иметь столько земли, сколько он может обработать самостоятельно. Применение наемной силы строжайше запрещается.

Арагонские деревни - это не чисто сельскохозяйственные поселения. Мы бы назвали их скорее небольшими городками. Каменные дома, жители, которые занимаются не только обработкой земли, но и ремеслом, местной промышленностью и т.д. Эти предприятия, а также службы быта, учреждения культуры и образования тоже обобществлялись. В поселениях были сильны древние общинные традиции. Все это облегчало объединение людей в свободные территориальные и хозяйственные сообщества, как это и предусматривалось в анархо-коммунизме.

Внутри “коллективов” не было какой-либо иерархии, все пользовались равными правами. Главным решающим органом всегда было регулярное общее собрание членов, которое собиралось раз в месяц. Для текущей координации коммунальной и хозяйственной жизни избирались комитеты, часто возникавшие на базе прежних революционных комитетов. Их члены - в основном, делегаты от отраслевых секций - не пользовались какими-либо привилегиями и не получали особого вознаграждения за свою работу. Все они, кроме технических секретарей и казначеев должны были продолжать обычную трудовую деятельность. Каждый взрослый член “коллектива” (кроме беременных женщин) работал. Труд был организован на основах самоуправления. Бригады, состоявшие из 5-10 человек решали все основные рабочие вопросы на ежевечерних собраниях. Избираемые на них делегаты выполняли также функции координации и обмена информации с другими бригадами. Во многих коллективах” применялся принцип перемены труда, работники перемещались из одной отрасли в другую по мере надобности. Промышленные предприятия были включены в хозяйственную систему общины, что способствовало воссоединению индустрии и сельского хозяйства. Коллективы объединялись в окружные федерации.

Важнейшей мерой стала ликвидация денег. При этом арагонцы руководствовались не какой-то финансовой теорией, а своими этическими и революционными чувствами. В первые недели во многих “коллективах” вообще отменили вознаграждение за труд и ввели неограниченное свободное потребление всех продуктов с общественных складов. Но в условиях войны и дефицитов это было нелегким делом, тем более, что вне “коллективов” сохранялось денежное обращение. В сентябре 1936 г. большинство общин перешло на так называемую “семейную оплату”. Каждая семья в “коллективе” получала равную сумму денег (в зависимости от “коллектива” примерно по 7-10 песет на главу семьи, еще 50% - на его жену и еще по 15% - на каждого другого члена семьи). Эти средства предназначались только для покупки продуктов питания и предметов потребления и не должны были накапливаться. Во многих общинах вместо общегосударственных денег были введены местные купоны. В третьих существовали карточки и талоны. Определенные виды продуктов рационировались почти повсюду (шла война), зато некоторые (вино, масло и др.) во многих местах выдавались без всяких ограничений.

Полная независимость “коллективов” друг от друга, различия в благосостоянии общин и в системе распределения затрудняли координацию их хозяйственной деятельности. К этому призывали анархисты - сторонники углубления социальной революции, в том числе Дуррути. В феврале 1937 г. в местечке Каспе состоялся конгресс “коллективов” Арагона с участием нескольких сотен делегатов. Было принято историческое решение о создании Федерации. Участники договорились усилить агитацию в пользу “коллективизации”, создать экспериментальные фермы и технические школы, организовать взаимопомощь между “коллективами” с предоставлением друг другу машин и рабочих рук. Были отменены границы между селениями и упразднены коммунальные рамки собственности. Объединившиеся “коллективы” решили координировать обмен с внешним миром, создав для этого общий фонд из продукции, предназначенной на обмен, а не для собственного потребления общины, а также начав составлять статистику производственных возможностей.. Наконец, предусматривалась полная отмена любых форм денежного обращения внутри “коллективов” и их Федерации и введение единой для всех системы потребительских талонов. Последнее должно было помочь установить реальные потребности каждого из

жителей региона, чтобы затем, ориентируясь на конкретные нужды людей, перейти к анархо-коммунистической практике “планирования снизу”. Наконец, было принято и решение политического характера. Центральное правительство все время пыталось взять под контроль непокорный Арагон. Оно настояло на включение в Совет обороны Арагона - орган, состоявший вначале целиком из анархистов - членов других партий. В январе 1937 г. оно распорядилось восстановить в регионе муниципальные советы. В ответ конгресс в Каспе решил, что они не должны вмешиваться в хозяйственную деятельность коллективов.

Деятельность арагонских “коллективов” оказалась чрезвычайно успешной. Даже по официальным данным, урожай в регионе в 1937 г. возрос на 20%, в то время как во многих других районах страны он сократился. В Арагоне строились дороги, школы, больницы, фермы, учреждения культуры - во многих селениях впервые; осуществлялась механизация труда. Многие жители впервые получили доступ к медицинскому обслуживанию и свободному, антиавторитарному образованию (врачи и учителя становились полноправными членами “коллективов”).

Многие коллективы не платили налоги властям. Они предпочитали добровольно помогать непосредственно фронту. И это тоже вызывало гнев правящих кругов.

Путь Арагона к анархо-коммунизму был прерван испанской буржуазией в союзе со сталинистской “компартией”, которая взяла класс собственников под свою защиту. Уже декрет правительства в декабре 1936 г. легализовал только небольшую часть захватов земли и распорядился вернуть остальное. В мае 1937 г. “коммунисты” спровоцировали кровавые бои в Барселоне. Полиция под командованием “коммунистов” напала на рабочих-анархистов. В ходе боев пролетариям почти удалось разгромить силы буржуазно-сталинистской коалиции, но здесь ведущие активисты СНТ снова проявили нерешительность. Победа была украдена. Правительственные войска, вступившие в столицу Каталонии, развернули террор против анархистов и других левых. Затем пришла очередь Арагона. В августе 1937 г. республиканское правительство разогнало Совет обороны Арагона, возглавлявшийся анархистами. Танковая бригада “коммунистического” генерала Листера была снята с фронта и железными гусеницами прошла по арагонским коммунам. Треть “коллективов” была распущена, остальные так никогда и не оправились от разгрома. Сотни активистов были казнены, арестованы, высланы. Центральное правительство предъявило всем испанским коллективам ультиматум - легализоваться до 31 октября под угрозой роспуска. Над оставшимися был введен жесткий государственный контроль.

В марте 1938 г. франкистские войска ворвались в обескровленный и обессиленный Арагон и довершили дело контрреволюции. Через год пришел конец и всей Испанской Республике.

Испанская революция проиграла. Но она погибла с честью, в борьбе, пав под натиском превосходящих сил старого мира. Позорно не потерпеть поражение, а предать свои цели и идеалы, сменив с трудом завоеванную свободу на новое рабство, может быть, еще худшее, чем то, которое было низвергнуто.